ЗАБОТА О ТЕАТРЕ

17
Сергей Миронович очень внимательно следил за ростом советского искусства. В частности, он очень часто бывал и у нас в ГАТОбе (был. Мариинском театре), ведая тем, что театр этот носит его имя.

Из нескольких встреч с ним мне особенно запомнилась одна, воспоминаниями о которой я и хочу поделиться.

В 1932 году Сергей Миронович несколько раз был у нас в «Вильгельме Телле» — постановка, которую он явно отличал. На одном из спектаклей, примерно в феврале, в занявшемся антракте Сергей Миронович прошел из ложи прямо на сцену посмотреть декорации, которые его заинтересовали. Тут он сразу натолкнулся на очень неприятную картину исключительной технической отсталости оборудования нашей сцены.

Многочисленные мостки, станки, о которые спотыкался Сергей Миронович, густые облака пыли, армия плотников, вручную перетаскивавших декорации, наконец, целая рота всевозможных «помощников» — все это вызвало большое удивление, и Сергей Миронович попросил разъяснений.

На сцене в это время, кроме меня, были тогдашний директор театра Бухштейн, режиссер Радлов, художник Ходасевич. Мы все наперебой стали ему рассказывать об этом узком месте нашего театра, забота о котором одолевала всех нас.

Зритель, сидящий перед рампой, никогда не может представить себе всех трудностей работы труженников сцены. Пребывание Сергея Мироновича на сцене открыло ему самый большой дефект здания был. Мариинского театра — все строится в расчете на подвесные живописные декорации. Уже давно декораторы перешли к трехмерным строениям сценических сооружений, но в нашем здании это почти невозможно — нет ни боков, ни арьерсцены, откуда убирать сменяемые декорации. Сцена не механизирована —

и в «Вильгельме Телле» все «сторы» дерева приходится убирать вручную. Антракты продолжались от 40 мин. до 1 часа. Как это разбивает целостность впечатления от спектакля — ясно. Именно в такой невозможной затянувшийся антракт Сергей Миронович и вышел на сцену.

Расспросив о возможностях исправления недостатка сцены, Сергей Миронович сразу увлекся за мыслью о постройке арьерсцены на специальном мосту через Крюков канал. Такая арьерсцена действительно колоссально обогатила бы сценические возможности нашего театра.

Значительная ориентировочная стоимость такого строительства (около 2 миллионов рублей) не смущала Сергея Мироновича. На замечание кого-то, что смета только что сведена и трудно в ней отыскать такой большой резерв, Сергей Миронович, почти не задумываясь, точно назвал источник, статью и параграф, по которым можно отпустить необходимые предметы, и предложил нам немедленно приступить к составлению технического проекта пристройки.

На всех нас произвело сильнейшее впечатление такое детальное знание многообразного, огромного хозяйства, позволявшее Сергею Мироновичу и тут показать образец оперативности и конкретного руководства. Не говоря уже о том, что все мы были покорены доброжелательным, товарищеским тоном и деловой внимательностью к нашим нуждам.

Распоряжение Сергея Мироновича, конечно, выполнено. Проект пристройки арьерсцены к ГАТОбу составлен, прошел техническое обсуждение в театре. Но Сергей Миронович уже не увидел этого проекта.

Сергей Миронович нет больше с нами, но имя его мы несем как знамя, и с этим знаменем мы надеемся завоевать новые высоты искусства.

засл. арт. республики
ДРАНИШНИКОВ